

Ветрова Эльвира Сабировна

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЩЕНИЙ К ВОЗЛЮБЛЕННОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОГО И ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Статья посвящена сопоставительному изучению обращений к возлюбленной в украинском и лезгинском языках. Автор отмечает, что в обеих культурах продуктивным способом образования данных форм адресации является метафоризация объектов и явлений окружающего мира. В результате анализа выявлено, что в основе метафорических переносов в сопоставляемых языках лежат одни и те же фрагменты объективной реальности - растения, животные, небесные светила и т.д. Однако продуктивность тех или иных образов, а также набор связанных с ними ассоциативных признаков в исследуемых культурах различны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-2/20.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 2. С. 74-79. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'371[811.161.2+811.351.32]

Статья посвящена сопоставительному изучению обращений к возлюбленной в украинском и лезгинском языках. Автор отмечает, что в обеих культурах продуктивным способом образования данных форм адресации является метафоризация объектов и явлений окружающего мира. В результате анализа выявлено, что в основе метафорических переносов в сопоставляемых языках лежат одни и те же фрагменты объективной реальности – растения, животные, небесные светила и т.д. Однако продуктивность тех или иных образов, а также набор связанных с ними ассоциативных признаков в исследуемых культурах различны.

Ключевые слова и фразы: обращения к любимой; эмотивное значение; метафоризация; зооморфизмы; фитоморфизмы; украинцы; лезгины.

Ветрова Эльвира Сабировна, к. филол. н.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
vetrova-75@ukr.net*

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЩЕНИЙ К ВОЗЛЮБЛЕННОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОГО И ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКОВ)

На современном этапе развития общества, который характеризуется глобальными изменениями во всех сферах человеческой жизни, первоочередной задачей лингвистики является изучение особенностей соотношения языка и культуры, выявление этнокультурной специфики языковых единиц, исследование роли национально-культурных факторов в становлении языковых норм. Для решения данных проблем необходимо применение различных методов исследования, среди которых важная роль принадлежит сопоставительному анализу, поскольку национально-культурная специфика языка наиболее отчетливо проявляется именно при сопоставительном изучении. Обусловлено это тем обстоятельством, что «мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь всегда одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие известное единство – с точки зрения культуры» [23, с. 69].

В рамках современной антропоцентрически ориентированной лингвистики особый интерес для сопоставительного изучения представляет категория эмотивности, под которой традиционно понимают «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики» [22, с. 23]. В конце XX – начале XXI века эмотивное значение языковых единиц стало одной из наиболее актуальных и изучаемых проблем в лингвистике. В работах В. И. Шаховского [22], Н. Б. Мечковской [14], В. Н. Телия [20], Г. В. Колшанского [11], М. Н. Кожинной [9] и др. эмотивность рассматривается как функционально-семантическая категория, которая охватывает элементы разных языковых уровней. Эмотивное значение может иметь аффикс, слово, фразеологизм, предложение, текст, т.е. любая языковая единица, «превалирующей функцией которой является выражение эмоций говорящего» [22, с. 8]. Среди языковых единиц, воспроизводящих опыт человечества в познании эмоций, особое место занимают обращения – этикетные формулы, которые, по мнению ученых, «специфично отражают национально-культурные особенности языков, неоднородны по своему составу и имеют сложное содержательное строение» [8, с. 196]. Несмотря на то, что изучению обращений в современной науке посвящена обширная лингвистическая литература (труды Н. Д. Арутюновой [1], Н. И. Формановской [21], В. Е. Гольдина [4], В. И. Карасика [8] и др.), вопросы эмотивного значения данных речевых единиц, их этнокультурной специфики до сих пор остаются недостаточно разработанными и нуждаются в дальнейшем рассмотрении на материале неисследованных языков.

Актуальность работы обусловлена повышенным интересом современного языкознания к особенностям отражения эмотивного фактора в языке, а также недостаточной изученностью этнокультурной семантики обращений, их роли в моделировании интимного коммуникативного пространства представителей неродственных культур. На материале украинского и лезгинского языков данный материал рассматривается впервые, что свидетельствует о новизне предложенного исследования. Цель статьи – сопоставительный анализ эмотивной семантики обращений к возлюбленной в таких разноструктурных языках, как украинский и лезгинский.

Материалом исследования послужили обращения, извлеченные методом сплошной выборки из лексикографических источников, произведений фольклора, художественной литературы разных жанров, а также эпистолярного наследия писателей. Кроме того, в качестве примеров использовались речевые образцы, полученные в результате анкетирования и интервьюирования информантов.

Среди вокативов, содержащих эмотивный компонент, особого внимания заслуживают любовные обращения. Любовь – универсальная антропоцентрическая категория, один из наиболее значимых и распространенных объектов эмоциональных рефлексий. Однако в различных культурах данное чувство проявляется и вербализуется по-разному, что обусловлено субъективностью интерпретации окружающей действительности представителями разных этносов. В украинской и лезгинской культурных традициях любовь – глубокое, позитивное чувство, которое воспринимается как божий дар и вызывает возвышенные, поэтические ассоциации. О духовном и эстетическом наполнении понятия «любовь» в национальном сознании украинцев и лезгин свидетельствует широкая палитра обращений к возлюбленной, которые имеют образный характер и эксплицируют особое отношение к женщине со стороны представителей противоположного пола. Исследование

показывает, что наиболее продуктивным способом создания данных форм адресации в обоих языках является ассоциативно-образное переосмысление объектов и явлений окружающей действительности посредством метафоризации. Чаще всего объектами метафор в украинском и лезгинском языках становятся понятия, входящие в следующие тематические группы: 1) живая природа; 2) небесные светила; 3) драгоценные металлы и камни; 4) абстрактные наименования; 5) религиозная сфера; 6) сладости и др. Данный факт объясняется тем, что при метафорическом моделировании действительности человек использует хорошо знакомые ему образы и «приписывает всем предметам внешнего мира черты и стремления, свойственные его личности» [2, с. 221]. Выбор тех или иных объектов (либо отдельных их признаков) для метафорического переосмысления, частота использования подобных номинаций в качестве обращений в сопоставляемых языках различны, что обусловлено этнокультурными особенностями восприятия и познания окружающего мира, а также социально-историческими и бытовыми условиями существования этноса.

Обращения к возлюбленной, построенные на основе ассоциативных связей с живой природой, объединяются в две группы: 1) зооморфизмы и 2) фитоморфизмы. В коммуникативной практике обоих народов широко распространены зооморфизмы – обращения, образованные в результате переосмысления объектов животного мира. Активное использование зооморфных метафор в романтическом дискурсе украинцев и лезгин обусловлено, во-первых, схожестью некоторых внешних признаков и особенностей поведения животных с внешностью и поведением человека, во-вторых, насыщенным семантико-стилистическим потенциалом зоонимов, которые, используясь в апеллятивной функции, приобретают разнообразные коннотации, выступая ярким и эффективным средством субъективной оценки собеседника. По мнению исследователей, перенос названий животных на человека представляет собой универсальный способ выражения оценочных значений [7]. Вместе с тем в различных культурах процессу метафоризации подвергаются разные объекты животного мира либо разные признаки одного и того же объекта, что способствует формированию национально специфических смыслов.

В функции обращений в сопоставляемых языках чаще всего используются орнитоморфизмы – метафоризованные наименования птиц, образы которых в национальном сознании украинцев и лезгин связаны с положительной эмоциональной оценкой. При этом в основе метафоризации чаще всего лежит не какой-либо отдельный признак, а совокупность разнообразных свойств или некое общее впечатление, производимое сопоставляемыми объектами на говорящего. Выбор конкретного образа и частота его использования в качестве обращения мотивированы ролью той или иной птицы в жизни этноса, а также особенностями представлений о ней, сложившимися в течение многих веков и закрепившимися в генетической памяти народа. В национальном сознании украинцев и лезгин сформировались схожие представления о птицах, что свидетельствует о существовании общих мировоззренческих установок на начальных этапах развития человеческого общества. Во времена язычества считалось, что птицы как обитатели небесного пространства являются посланниками богов, посредниками между высшими силами и людьми, поэтому люди наделяли их символическим значением. Обращения к птицам являлись неотъемлемой частью различных календарных обрядов, которые имели сакрально-магический характер и были направлены на достижение определенных хозяйственных целей. С развитием общества и накоплением знаний об окружающем мире данные обращения-символы оторвались от ритуала и обрели свободу употребления в различных контекстах. В современном общении зооморфизмы представляют собой стереотипные фразы, используемые для эмоциональной оценки собеседника, выражения отношения к нему говорящего. Таким образом, в украинском и лезгинском языках обращения-орнитоморфизмы имеют сложную семантическую структуру, в которой выделяются два смысловых плана: современный (обыденный и стереотипный) и архаический (символический), связанный с древними представлениями наших предков. В украинском языке в общении с любимой девушкой (женщиной) чаще всего используются вокативы: *голубко (голубочко, голубонько), горлице (горличенько), ластівко (ластівочко), лебідко (лебідочко, лебедонько), перепілко (перепілочко)*, которые в народных представлениях украинцев ассоциируются с добром, счастьем, чистотой и верностью. Одно из центральных мест в украинской «птичьей символике» занимает *голубка (горлиця)* – святая, божья птица, символ чистой безграничной любви и нерушимой супружеской верности. Представление славян о голубе (голубке) как о святой птице восходит к христианской традиции: в виде голубя Святой Дух сошел с небес во время крещения Иисуса (Мф 3:16; Лк 3:22) [3]. Любовно-брачная символика голубя и голубки широко представлена в украинских свадебных обрядах и произведениях фольклора, особенно в лирических песнях: *Голубонько-дівчинонько, Зіронько моя! Не питайся, моя мила, Чого смутен я* [17, с. 257].

Воплощением женского начала, а также символом красоты и супружеской верности в украинском языке являются обращения *лебідко, лебідонько, лебедонько*. В культуре славян эта птица ассоциируется с величественной красотой, чистотой, духовностью и жертвенностью: *Ти не лякайся, що змерзнеш, лебедонько* [16, с. 150]. Примечательно, что в украинском национальном сознании она отождествляется и с мужским началом. Вокатив *лебедиду* – распространенная ласковая форма обращения к мужчине, к которому адресант (независимо от пола) испытывает теплые чувства. Вокативы *лебедиду-лебідко* в украинском языке образуют гендерную пару, символизирующую брачный союз и верную любовь.

У всех славян, в том числе и украинцев, к почитаемым, чистым, святым птицам относится ласточка. Ласточка и голубь – любимые Богом птицы [5]. В украинской календарной поэзии ласточка является предвестницей весны, однако в любовной лирике данный образ соотносится, прежде всего, с женским началом и брачной символикой [Там же]: *Дитиночко, Вірусенько єдина, ластівочко моя мила!* [12, с. 135]. Примечательно, что вокативы *ластівко, ластівочко* в украинском языке часто выходят за рамки романтического общения, выполняя также

функции ласкового обращения к дочери, матери, бабушке. Нежной формой обращения к любимой являются вокативы *перепілко, перепілочко: Ти дівчино, перепілко, ти моє сердейко* [10, с. 126]. В национальном сознании славян данная птица имеет ярко выраженную женскую символику, олицетворяя девушку, невесту [19].

В романтическом дискурсе украинцы, помимо видовых наименований, широко используют и обобщенные названия (*моя пташко, пташечко*), которые свидетельствуют о том, что в украинском национальном сознании птица воспринимается, в первую очередь, как благоприятный образ или знак. Как показывает проанализированный материал, в образовании украинских обращений-орнитоморфизмов важную роль играют суффиксы субъективной оценки, которые передают тонкие нюансы взаимоотношений общающихся и подчеркивают эмоционально-чувственный характер украинского менталитета.

В лезгинском языке при обращении к возлюбленной в рамках лексико-семантической группы «орнитоморфизмы» используются формы: *билбил* ‘соловушка’, *тлауус* ‘павлин’, *лиф* ‘голубка’, *кару* ‘горлица’, *чубарук* ‘ласточка’, *кьвед* ‘куропатка’, *вили уьрдег* ‘голубая утка’, которые ассоциируются с любовью, плодородием, женской красотой и невинностью: *хур цлару кьвед* ‘куропатка с пестрой грудью’; *алагуьзли тлауус кьуши* ‘красавица птица павлин’ [13, с. 70]. Приведенные выше вокативы в современном лезгинском языке выступают синонимами к слову *любимая*, выполняя, в первую очередь, эмоционально-оценочную функцию, что способствует их взаимозаменяемости. Обращения *билбил* ‘соловушка’, *чубарук* ‘ласточка’ имеют более широкую сферу употребления и могут адресоваться не только возлюбленной, но и ребенку. В лезгинском языке отсутствуют суффиксы субъективной оценки, поэтому оттенки чувств и эмоций передаются с помощью различных стилистических средств (преимущественно эпитетов), выдержанных в духе народной лирической песни: *я кьефесда хвей вили лиф* ‘сизая голубка в клетке’; *кьвачер яру вили лиф* ‘голубая горлица с красными лапками’, *лужуник квай тек лацу лиф* ‘в стае единственная белая голубка’ и др. Как видим, важную роль в передаче оценочных смыслов здесь играют цветообозначения, которые акцентируют внимание не только на яркой и незаурядной внешности собеседницы, но и на ее высоких моральных качествах. Отметим, что белый, красный и голубой (сизый) цвета в лезгинском языке считаются сакральными и символизируют невинность, счастье, благополучие.

В результате анализа выявлено, что объектами метафоризации в сопоставляемых языках, как правило, становятся разные птицы, что обусловлено, в первую очередь, природно-географическими факторами. Вместе с тем выявлены и случаи использования в качестве обращений одинаковых образов, символические и оценочные смыслы которых полностью или частично совпадают. Например, ласточка в обеих культурах – чистая, святая птица, воплощение женского начала, символ весны, надежды и счастья. На данные общие языческие представления накладываются более поздние культурно маркированные ассоциации: в христианстве ласточка уподобляется Божьей Матери, а мусульмане приписывают ей умение читать суры Корана. В современном общении украинское обращение *ластівочко* и лезгинский вокатив *чубарук* утратили первоначальное символическое значение и используются в качестве ласкового обращения к девушке или ребенку: укр. *ластівочко моя мила*, лезг. *чан зи гьвечли чубарук* ‘милая моя маленькая ласточка’, что позволяет говорить о полной эквивалентности их оценочных смыслов.

Интересные особенности наблюдаются в использовании образа голубки. В обеих культурах данная птица ассоциируется с женской красотой, чистотой, святостью и непорочностью, что свидетельствует о сходстве некоторых мировоззренческих установок украинцев и лезгин. Вместе с тем семантический потенциал обращения *голубка* в сопоставляемых языках неодинаков. В украинском национальном сознании образ голубки неотделим от образа голубя, подтверждением чего является функционирование гендерной вокативной пары *голубе-голубко*, символизирующей вечную любовь и брачный союз. Примечательно, что использование данных вокативов не ограничено рамками романтического дискурса. Обращение *голубко* в украинском языке может адресоваться также матери, бабушке, а форма *голубе* – любому мужчине, к которому адресант (мужчина либо женщина) испытывает теплые чувства. В лезгинском языке, который характеризуется отсутствием грамматической категории рода, для обозначения голубя и голубки используется одна лексема – *лиф*. Вместе с тем в романтическом дискурсе она адресуеться только женщине, являясь средством оценки ее красоты и нежности. Аналогичную функцию выполняет вокатив *кару* ‘горлица’. Приведенные выше факты дают основание предполагать, что в украинском языке понятие ‘голубка’ характеризуется большей семантической плотностью и более широкой сферой функционирования, нежели в лезгинском языке. Кроме того, в основе метафоризации данного образа в сопоставляемых языках лежат разные семантические признаки. В лезгинском языке – внешняя красота, целомудрие, нежность, в украинском – верность, умение любить.

Мир зверей в исследуемых культурах представлен незначительным количеством обращений. При этом объектом метафоризации, как правило, выступают внешние признаки и особенности поведения животных, которые соотносятся с доминантными физическими и внутренними качествами женщины. У лезгин с привлекательной девушкой ассоциируются *марал* ‘косуля’ и *жейран* ‘горная лань (серна)’ – дикие животные, обитающие в горах Кавказа. Следует отметить, что серна – популярный персонаж многих восточных мифов, в которых она символизирует женское начало, изящество, кротость и уязвимость [15]. Лезгинская любовная лирика изобилует образами косуль и ланей – стройных, грациозных женщин, пылкий взгляд которых может свести с ума не одного охотника, т.е. мужчину: *Марал я дагьдин, Ранг я ви агьдин, Нур я чирагьдин, Чинни гуьзел, яр* ‘Косуля горных мест, Ты краше всех невест, И от тебя окрест Исходит свет, любимая’ [6, с. 112].

Высокой степенью активности в поэтической речи лезгин характеризуется вокатив *жейран*, который, как правило, сопровождается эпитетами и сравнениями, указывающими на основные черты характера дагестанской

женщины – гордость, строптивость, нежность, капризность и др.: *назлу жейран* ‘гордая, кокетливая лань’, *зирек жейран* ‘подвижная, быстрая лань’, *дагьдавай хаму жейран* ‘горная строптивая лань’, *таза жейран* ‘молодая, нежная лань’, *таза джейран ханум* ‘молодая госпожа, похожая на лань’, *хаму жейран* ‘капризная, юная лань’ и др.: *Чан дагьдавай хаму жейран* ‘Моя горная трепетная джейран’ [Там же, с. 166]. Примечательно, что слово *жейран* в современном лезгинском языке перешло в разряд имен собственных. В Дагестане *Жейран* – распространенное женское имя.

В украинском романтическом дискурсе в ситуации обращения к девушке (женщине) широко распространены зооморфизмы: *котику*, *кицюню*, *зайчику* (*зайченятко*), возникшие на основе общего психологического и чувственного впечатления от сопоставляемых объектов. Прибегая к данным метафорическим моделям, адресант акцентирует внимание на следующих признаках адресата: «мягкий», «нежный, ласковый», «беззащитный», «требующий заботы, опеки». Подобные формы способствуют созданию теплой атмосферы раннего детства, отражая искренние, нежные чувства говорящего к своей собеседнице. Помимо любимой женщины, данные вокативы часто адресуются детям.

В качестве ласковых обращений к представительнице женского пола украинцы активно используют формы: *рибко*, *рибонько*, *рибчино*, *рибчинонько*, которые имеют глубокую народную основу: *До другого листа, рибонько моя* [12, с. 62]. В украинском народном сознании рыба органично связана с водой и символизирует жизнь, очищение, здоровье. В украинских народных песнях обращения *рибчино*, *рибчинонько*, как правило, сочетаются с вокативом *дівчино* (*дівчинонько*), образуя синонимическую пару с внутренней рифмой: *Дівчино, рибчино, Не плач, не ридай! За мною, молодим, Ручок не ламай* [17, с. 67-68].

Проанализированные выше примеры ярко демонстрируют национально-культурную специфику украинских и лезгинских обращений-зооморфизмов, обусловленную как географическими условиями жизни этносов, так и различиями в символическом осмыслении ими того или иного зооморфного образа.

Центральное место в системе украинских и лезгинских обращений к любимой занимают вокативы, построенные на основе ассоциативных связей с растительным миром, – фитоморфизмы. Широкое распространение таких вокативов в коммуникативной практике обоих этносов объясняется тем, что мир людей и мир растений с древних времен тесно связаны между собой. В далеком прошлом растения напоминали человеку о движениях жизни, а сплетение ветвей символизировало любовь юноши и девушки [15]. В обоих языках объектами метафоризации выступают цветы, деревья и их плоды. Лезгины при этом используют формы: *цук* ‘цветок’, *беневиша* ‘фиалка’, *рейгьан* ‘садовый василек’, *кьизилгуьл* ‘роза’, *гуьзел алма* ‘красивое яблочко’, *лацу пини* ‘белая черешня’, *назлу кьелем ширин алчадин* ‘горделивый саженец сладкой алычи’, *багьдин емиш* ‘садовый фрукт’: *Атирдин ни галай пини. Таза бегьер акурд тушир, Буйдиз кьакьан, гьич заз икьван Лацу мрамар акурд тушир* ‘Пахнущая духами белая черешня, нежнее плода не встречал, ростом высокая, Мрамора белее не встречал’ [13, с. 70]; *Чан женнетдин цук* ‘Цветок мой райский’ [6, с. 166]. Среди художественных определений, сопровождающих вокативы-фитоморфизмы, преобладает эпитет *белая*, который, с одной стороны, подчеркивает внешние черты возлюбленной (светлая кожа – эталон женской красоты на Кавказе), с другой – указывает на ее внутренние качества – чистоту, нежность, целомудрие.

У украинцев сформировались иные поэтические предпочтения. В качестве обращений к любимой девушке (женщине) используются формы: *моя квіточко*, *мій рожевий цвіте*, *моя хистка лілес*, *вербиченько*, *беріско*, *моя ти ягідко*, которые олицетворяют внешнюю и внутреннюю красоту любимой, ее чистоту и нежность: *Ой дівчино моя мила, Мій рожевий цвіт!* [17, с. 257]. В украинском языке частым объектом метафоризации является *лілія* (*лілея*) – мифологический символ чистоты и целомудрия [15]. В христианской культуре белая лилия – символ богородицы. В обращениях к любимой данный образ олицетворяет тонкую красоту и изящество, перед которыми не устоит ни один мужчина. Глубокие народные корни в украинском языке имеет обращение *вербиченько*. С древних времен славяне почитали вербу, считали ее символом семейного очага, весны, пробуждения природы. В обращениях к девушке слово *верба* приобретает дополнительные коннотации, олицетворяя женскую красоту, тихую и гордую девичью печаль.

Проведенный анализ говорит о том, что в культуре украинцев и лезгин любимая в большинстве случаев ассоциируется с разными объектами растительного мира. В лезгинском языке – это в основном садовые растения, тогда как в украинском языке – дикорастущие виды. Кроме того, как показывают наблюдения, основой метафоризации в исследуемых языках выступают различные признаки. Перенос значений в лезгинских фитоморфизмах осуществляется по сходству чувственных впечатлений от сопоставляемых объектов (цвет, запах, вкус, размер), тогда как в украинском языке аналогичные вокативы имеют глубокое символическое значение и обладают более широким спектром коннотаций. На наш взгляд, данные различия объясняются как природно-географическими факторами, так и своеобразием языковой и когнитивной картины мира носителей украинского и лезгинского языков.

Большое количество обращений к любимой в украинском и лезгинском языках построено на ассоциациях с объектами неживой природы. Высокой степенью продуктивности в обоих языках отличаются метафоризованные наименования небесных светил – солнца, луны, звезд. В славянской культурной традиции данные образы встречаются довольно часто, что свидетельствует о глубокой народной вере в могущественную силу света. Отголоски этих древних представлений сохранили многочисленные фольклорные произведения, обряды и ритуалы, неотъемлемая часть которых – обращения к солнцу, луне, звездам. Постепенно данные словесные формулы оторвались от магической практики и трансформировались в этикетные формулы, выполняющие исключительно квалификативную, эмоционально-оценочную функцию: *Сонечко моє! Без тебе мені поночі, похмурє все, невеселе* [12, с. 85].

Реликты солярного культа сохранились и в лезгинском языке. Красивой девушке адресуются обращения: *рагъ* ‘солнце’; *рагъ хътин руш* ‘девушка, подобная солнцу’; *ракънин нур чинавай руш я* ‘подобная солнечным лучам девушка’, *варз хътин чин* – ‘луноликая’; *экуьнин гъед* ‘утренняя звезда’ и др. [18, с. 85]. Подобная аналогия с небесными светилами не случайна: в народном сознании лезгин они ассоциируются с добром, молодостью и красотой – любимая, подобно солнцу, луне и звездам, полна таинственности и дарит свет, тепло, радость.

В романтическом дискурсе обеих культур часто используются наименования драгоценных камней и металлов. Данные лексемы наделены большим семантическим потенциалом, позволяющим создавать яркие, эстетически и эмоционально насыщенные образы. В лезгинском языке в качестве обращений к девушке используются наименования самых красивых и дорогих камней: *зумруд* ‘изумруд’, *маржан* ‘жемчуг’, *мармар* ‘мрамор’, *якъут* ‘яхонт (рубин, сапфир)’, которые в национальном сознании лезгин ассоциируются с изысканной женской красотой, совершенством, чистотой и невинностью. В украинском языке объектом метафоризации чаще всего выступает *кришталь* ‘хрусталь’ – символ любви, верности, душевного покоя и благополучия. Используясь в апеллятивной функции, данная лексема обретает дополнительные коннотации: ‘скромность’, ‘нежность’, ‘чистота’: *Ой вийди, вийди, серденько Галю, Серденько, рибонько, дорогий криштале* [16, с. 45]. Высокой степенью продуктивности в украинском языке отличается лексема *золото* (*золотце*), метафорическое употребление которой указывает не только на красоту и привлекательность девушки, но и ее важную роль в жизни говорящего: *Через річеньку, через болото, Подай рученьку, моє золото!* [Там же, с. 245]. Наряду с конкретными названиями драгоценных камней в украинском языке используются и родовые формы: *мій скарбе, каменю дорогоцінний* – многозначные метафоры, полнота семантики которых определяется глубиной воображения говорящего, особенностями его мировосприятия: *Моє ти золото! Скарбе мій найдорожчий!* [12, с. 163].

Активную роль в образовании обращений в обоих языках играют религиозные понятия. В украинском языке любимая часто ассоциируется с ангелом, что стало причиной возникновения обращений *ангеле, янголяточко*, которые символизируют красоту и совершенство: *А поки що – цілую тебе міцно, моє ти янголяточко* [Там же, с. 188]. Вокативы религиозного характера зафиксированы и в лезгинском языке. В их основе – образы из древних коранических легенд: *малаик (мелек)* ‘ангел’, *женнетдин багъ* ‘райский сад’, *абукевсер яд* ‘райская вода’, *мелекзада* ‘рожденная ангелом’, *гъуьруь* ‘гурия’ и др. [13, с. 56]: *Садаллагъди тек халкъ авур Са малаик я, Пакисат* ‘Впрямь богом единым ты сотворена, Мой ангел земной, Пакисат’ [6, с. 120].

Образное и эмоционально-оценочное значение обращений в обоих языках часто формируется на основе метонимических связей. При этом наименование, как правило, переносится с человека на часть его тела, например, в украинском языке: *Чорнії брови, карії очі, Темні, як нічка, ясні, як день! Ой, очі, очі, очі дівочі, Де ж ви навчилися зводити людей?* [16, с. 45]; *Прощай, дівчинонько, серце кохане, прощайте, кучері, Личко рум’яне* [Там же, с. 170]. Метонимические формы обращений встречаются и в лезгинской поэтической речи: *Са къуз ракъар, са къуз цифер, Чулав зилфер, лацу хъуькъвер!* ‘Ах, эти косы черные, как тень, Ах эти щеки белые, как день!’ [6, с. 150].

Специфической особенностью украинского языка является использование в качестве обращений абстрактных наименований: *душе моя, моя доленько кохана, моя розкішна невідступна мріє, моя надіє, моє кохання чарівне (солодке), любове моя, моє життя кохане* и др. В лезгинском языке абстрактные формы малопродуктивны. Данный факт свидетельствует о том, что процессы обобщения и дифференциации явлений окружающей действительности в сопоставляемых языках осуществляются по-разному.

В культуре лезгин объектами метафоризации часто выступают различные сладости: *ширин вирт* ‘сладкий мед’, *къенфет* ‘конфета’, *шекер набат* ‘сахарный леденец’, *лацу шуьрбет* ‘белый сладкий напиток’, *лумунат хъыз ширин* ‘сладкая, как лимонад’, *ширин емиш* ‘сладкий плод’ и др. [13, с. 57]. Причина появления подобных вокативов очевидна: сладкое вызывает приятные вкусовые ощущения, является источником счастья и удовольствия. Аналогичные чувственные впечатления испытывает влюбленный человек по отношению к своей партнерше. Примечательно, что в украинском интимном дискурсе подобные метафорические модели встречаются реже: *любко моя солоденька, моя солодка цукерочка*, что, на наш взгляд, обусловлено разным отношением украинцев и лезгин к пище вообще и сладостям в частности.

Помимо метафорических и метонимических наименований в общении с любимой девушкой украинцы и лезгинши широко используют обращения, прямо оценивающие внешние качества адресата. Высокой степенью продуктивности при этом характеризуются вокативы с семантикой ‘красивая’. В лезгинском языке они образуют широкий синонимический ряд: *гъуьзел, афат, баха, назани, суна, тават* и др.: *Аман бала суна чан* ‘О, красавица моя’ [Там же, с. 51]. Во внешности женщины дагестанского мужчину привлекают, в первую очередь, ее глаза, что послужило причиной активного функционирования вокативов: *алагуьзли* ‘голубоглазая’, *къарагуьз* ‘черноокая’ и др.: *Куьз хъел хъана, чан къарагуьз?* ‘Зачем мы в ссоре, черноокая?’ [6, с. 144]; *Алагуьзли севдугъум яр* ‘Синеокая возлюбленная’ [Там же, с. 140]. Данные примеры разрушают сложившиеся стереотипы о том, что дагестанские женщины исключительно кареглазые. Помимо цвета глаз не менее важными атрибутами женской красоты в представлении горцев являются: белая кожа, черные волосы, стройная фигура: *Ви сивиз къий икъван иер, Лацу хъуькъвер чулав кифер, Айна хътин цIару вилер* ‘Да буду я жертвой твоей красоты, белошекая, чернокошая, синеокая’ [Там же]. Украинский идеал женской красоты представляют обращения: *тендітна, маленька, тонкоброва, чорноброва, білолиця, кароока, синьоока, золотокося* и др.: *Синьоока моя, тонкоброва* [16, с. 56]. Наличие в интимном дискурсе исследуемых языков большого количества

обращений, оценивающих внешность собеседницы, свидетельствует о том, что в национальном сознании украинцев и лезгин внешняя привлекательность – одно из основных качеств, которые мужчины ценят в женщинах.

В интимном дискурсе обеих культур широко распространены обращения, прямо указывающие на чувства адресанта: лезг. *яр, Кланиди, севдьюгьум* ‘любимая, возлюбленная’; *играми, масан, азиз* ‘милая, дорогая’; укр. *кохана, люба, мила, дорога, рідна, єдина, сердечна* и др. Примечательно, что вокативы ‘милая’, ‘дорогая’ в украинском и лезгинском языках являются гендерно нейтральными. Ими активно пользуются как мужчины, так и женщины в общении со своими любимыми. Кроме того, данные формы часто выходят за рамки романтического дискурса и могут быть адресованы любому собеседнику, к которому говорящий испытывает теплые чувства.

Результаты проведенного анализа позволяют сделать следующие выводы.

В украинском и лезгинском языках в течение многих веков сформировалась разветвленная система обращений к возлюбленной, которые имеют образный характер и выполняют эмоционально-оценочные функции. Наиболее продуктивным способом создания данных форм адресации в обоих языках является ассоциативно-образное переосмысление объектов и явлений окружающей действительности посредством метафор и метонимий, что свидетельствует о духовном наполнении понятия «любовь» в национальном сознании украинцев и лезгин, возвышенном отношении к женщине. Основанием для метафоризации/метонимизации в исследуемых языках выступают одни и те же фрагменты объективной реальности – растительный и животный мир, небесные светила, драгоценные камни и металлы, части тела и т.д., что обусловлено общими принципами человеческого мышления и схожестью наблюдений над окружающим миром. Вместе с тем в основе метафорических процессов лежат и национально маркированные ассоциации. Это проявляется в выборе для переноса значения разных объектов либо различных семантических признаков одного и того же объекта, что способствует формированию специфических коннотаций, свидетельствующих о своеобразии языковой и когнитивной картины мира носителей украинского и лезгинского языков.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Номинация и текст // Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1977. С. 340-344.
2. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Едиториал УРСС, 2001. 392 с.
3. Библия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bibleonline.ru> (дата обращения: 24.10.2016).
4. Гольдин В. Е. Обращение. Теоретические проблемы. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 128 с.
5. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Изд-во «Индрик», 1997. 912 с.
6. Етим Эмин. Лирика. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1986. 224 с.
7. Илюхина Н. А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации. М.: Флинта; Наука, 2010. 320 с.
8. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Институт языкознания РАН; Волгоградский гос. пед. ин-т, 1992. 330 с.
9. Кожина М. Н. О языковой и речевой экспрессии и ее экстралингвистическом обосновании // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1987. С. 8-17.
10. Коломийки / передм. Н. С. Шумади. К.: Наук. думка, 1969. 603 с.
11. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. 231 с.
12. Коцюбинський М. Зібрання творів: у 7-ми т. К.: Наук. думка, 1974. Т. 5. 430 с.
13. Магамдаров Р. Ш. Лингвокультурологический анализ концепта «Фемина» в лезгинском языке: дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 1999. 152 с.
14. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект Пресс, 2000. 208 с.
15. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. 720 с.
16. Пісні маминого серця / упор. Р. П. Радишевський. К.: Просвіта, 2006. 351 с.
17. Руданський С. Твори: в 3-х т. К.: Наук. думка, 1972. Т. 1. 525 с.
18. Сефербеков Р. И., Караханов С. С. Мифологические персонажи лезгин Карчагской долины: синкретизм традиционных верований и ислама // Исламоведение. 2015. № 1. С. 84-93.
19. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Институт славяноведения РАН, 1995. Т. 3. 736 с.
20. Теляя В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 141 с.
21. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. М.: Высшая школа, 1989. 159 с.
22. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 208 с.
23. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 427 с.

ETHNO-CULTURAL PECULIARITIES OF ADDRESSES TO THE BELOVED (BY THE MATERIAL OF UKRAINIAN AND LEZGHIAN LANGUAGES)

Vetrova El'vira Sabirovna, Ph. D. in Philology
Taurida Academy of V. I. Vernadsky Crimean Federal University
vetrova-75@ukr.net

The article is devoted to the comparative studies of addresses to the beloved in the Ukrainian and Lezghian languages. The author concludes that in both cultures the metaphorization of material objects and phenomena is the productive way to form such addresses. The analysis indicates that the metaphorical transfer in the compared languages is based on similar fragments of reality – plants, animals, heavenly bodies, etc. However the productivity of certain images and the set of related associative features are different in the investigated cultures.

Key words and phrases: addresses to the beloved; emotive meaning; metaphorization; zoo-morphisms; phyto-morphisms; Ukrainians; Lezghian people.